

В житии святителя Спиридона Тримифунтского подробно рассказывается, как святой старец на

Представленные святителем аргументы были самым простым исповеданием сути веры во Всемогущего Бога в Троице Единого и в совершенное Богом-Сыном спасение человеческого рода. Тем не менее, после разговора со святым Спиридonom философ, обратившись к своим друзьям, сказал: «Слушайте! Пока состязание со мною велось посредством доказательств, я выставлял против одних доказательств другие и своим искусством спорить отражал всё, что мне представляли. Но когда вместо доказательств от разума из уст этого старца начала исходить какая-то особая сила, доказательства стали бессильны против нее, так как человек не может противиться Богу. Если кто-нибудь из вас может мыслить так же, как я, то да уверует во Христа и вместе со мною да последует за этим старцем, устами которого говорил Сам Бог».

В этом небольшом эпизоде из жития святителя Спиридона, как, впрочем, и в других историях, связанных с его праведным служением, с особой силой явлен вопрос о том языке веры, с помощью которого христиане должны обращаться к миру, отвергающему Христа. Святитель был пастухом, он не имел особого запаса богословской образованности, которая могла бы противостоять мудрости философов. Безусловно, его язык был языком [добродетели](#), доступным каждому христианину. В Нагорной проповеди Спаситель ясно указывает на это, когда говорит: «Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5: 14–16).

Однако в реальной жизни христианина исполнение заповеди о проповеди веры, преобразении мира посредством добродетели, нравственной деятельности связано с рядом трудностей. Так, Господь говорит об отвержении на Страшном суде даже тех, кто Его именем будет творить чудеса, а значит исцелять, наставлять, убеждать оступившихся: «Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Мф. 7: 22–23). Выходит, язык добродетели, на котором мы призваны разговаривать с миром, не так уж и прост.

Помочь разрешить трудности может внимательное прочтение Евангелия в целом. В той же [Нагорной проповеди](#) Господь несколько раз указывает на механизм действия добродетели в мире: «...Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6: 4, 6, 18). А евангелист Иоанн Богослов так раскрывает смысл слов Спасителя о «свете добрых дел», который должен светить перед людьми: «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1: 9). Наконец, Сам Спаситель совершенно определенно указывает: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8: 12).

Как видим, в Евангелии однозначно указан вектор, по которому должно быть направлено всякое усилие преобразить мир вокруг нас, засвидетельствовать об Истине. Этот вектор направлен не на изменение действительности, наведение порядка в обществе или наставление близких, он направлен единственно на Христа. Поэтому всякая добродетель имеет силу и значение постольку, поскольку она имеет дух Христов, способствует самому человеку приблизиться к Небесам, стяжать нищету духовную. И

наоборот, если мы делаем что-то с целью изменить мир, поучить окружающих, даже принести им пользу, забывая при этом о Христе, – то подобные усилия становятся угрозой для нашей души и вряд ли помогут близким. Таким образом, тот свет добрых дел, которым мы стремились изменить мир, превращается в сумерки мыслей о собственном значении, важности своих усилий. Спаситель предупреждает: «Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (Мф. 6: 23). В то же время это не значит, что подобное настроение является однозначно греховным, что все наши дела, так или иначе связанные с мыслями об изменении жизни окружающих, становятся камнем для души, который может повергнуть в отчаяние. Нет, речь о другом – о векторе наших мыслей, об их магистральном направлении. Остальное, конечно же, будет примешиваться, да и не сразу человеку удастся правильно настроить расположение своей души. Всё это приходит со временем, и абсолютная чистота здесь вряд ли возможна. Однако четкое осознание смысла и цены наших добродетелей должно быть, должно возвращать нас к осознанию того, что наши усилия без Христа ничего не стоят.

Всякая добродетель должна стать тайным языком общения человека с Богом, магистральным путепроводом, по которому заряд Христов будет поставляться для светильников наших душ. И отцы совершенно ясно говорят об этом, когда утверждают, что призвание добродетели – воспитывать в человеке [смирение](#), осознание того, что всё сделанное намного меньше благодеяний Божиих, а не усовершенствовать мир вокруг нас. В этом смысле вопрос, насколько то или иное доброе дело, сделанное по евангельской заповеди, поможет ближнему, является опасным свидетельством неискренности наших устремлений. Выходит, мы творим добродетель не потому, что стремимся в своей жизни исполнить Евангелие, не потому, что веруем в его спасительную силу, а потому, что считаем Благою весть Спасителя хорошей и полезной инструкцией по благоустройству нравственного, справедливого общества. Это не жизнь по вере, а нравственный атеизм, опасное христианство без Христа.

Не случайно именно в Церкви мы видим простого пастуха, который убеждает искусного философа. Это свидетельство истинной силы языка веры в духе Христовом. Этот язык силен не своим красноречием, не величиной добрых дел, подтверждающих его полезность и правильность, он силен близостью души говорящего Истинному Свету, «просвещающему сидящих во тьме и тени смертной» (см.: Лк. 1: 79).

[Роман Савчук](#)

[25 декабря 2014 года](#)